

СУДЬБА ПЕРВОГО ГАРНИЗОНА ВЕРХНЕЯИЦКОЙ ПРИСТАНИ (ПО ДОКУМЕНТАМ Г. Ф. МИЛЛЕРА, РГАДА. Ф. 199. Д. 481)

В. М. Свистунов

Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Российская Федерация

Документальное описание Башкирского восстания 1735—1740 годов в Южном Зауралье, хранящееся в РГАДА, начинается с изложения истории продовольственного обоза, отправленного из Теченской слободы на Верхнеяицкую пристань в июле 1735 года. Краткая история этого описания такова. По запросу Российской Академии наук, в 40-х годах XVIII века в полковой канцелярии Сибирского гарнизонного драгунского полка было составлено на основе рапортов и промеморий хронологическое описание событий 1735—1741 годов. В данном случае оно и будет именоваться — документы Миллера, т. к. инициатором запроса являлся профессор Миллер. Ценность описания военных событий происходивших в Южном Зауралье, помимо прочего, состоит в том, что оно имеет хронологию изложения не только по годам и месяцам, но и числам. На эти числа, исторические календарные даты следует обратить особое внимание. Выверенная хронология событий очень важна, не столько для понимания действий, совершённых руководителем Оренбургской экспедиции И. Кириловым, сколько его помощником — полковником Тевкелевым. По ним же и определяется период сугубо оборонительных операций Сибирского драгунского полка против Башкирского войска, длившийся с мая 1735 по март 1736 года.

Ключевые слова: Верхнеяицкая пристань, две роты солдат Уфимского полка, Башкирское войско, Сибирский драгунский полк, казаки из крестьян.

В отечественной историографии тема Башкирского восстания 30-х гг. XVIII в., при всей своей кажущейся изученности, остается неполной. Дело в том, что подавляющая часть научных работ, как дореволюционных, так и советских историков основана на архивных материалах Оренбурга, Петербурга, фонда Секретной экспедиции Военной коллегии Российского военно-исторического архива (РГВИА) и 248 фонда канцелярии Сената РГАДА (Москва). Тот же П. И. Рычков, участвующий в событиях на Южном Урале 1735—1740 гг., хорошо знает ход Башкирского восстания только в регионе Приуралья.

Историки второй половины XIX в. (С. М. Соловьев [10], Н. А. Фирсов [13], В. Н. Витевский [2], Р. Г. Игнатьев [4], А. И. Добросмыслов [3]) не дают никаких сведений о событиях, происходивших в период Башкирского восстания 30-х XVIII в. в Южном Зауралье. В работах же советских историков, этот регион освещен фрагментарно [1; 11; 12; 14]. И только в VI томе «Материалов по истории Башкортостана», причем, издания 2002 г. опубликован ряд документов по начальному периоду Башкирского восстания 30-х гг. XVIII в. в Южном Зауралье [6].

Вероятнее всего, строительство Верхнеяицкой пристани и крепости при ней началось ранней весной 1735 г. Подтверждением служит письмо И. Кирилова В. Н. Татищеву от 30 марта 1735 г., в котором автор выражает надежду, что «...Пристань Верхояицкая, надеюсь на истинного Бога, утвердится и там первая рота в крепком месте рогатками окинулась, а другая рота и адмиралтейские служители отсюда (из Уфы) пошли 16 марта» [5, с. 11]. Тот факт, что военный гарнизон крепости при Верхнеяицкой пристани состоял первоначально из двух солдатских рот Уфимского гарнизонного полка, подтверждает и П. И. Рычков. «5 сентября (1735 г.)

Тевкелев отправился из Верхояицкой пристани в Теченскую слободу, — говорится в его «Истории Оренбургской», — оставя наставления, прежде бывшего тут командиром капитану Уварову у которого в команде при двух ротах солдатских был поручик Ветошников» [9, с. 19].

Собственно документы Миллера начинаются с изложения рапорта капитана Сибирского драгунского полка Томилова и командированного в Теченскую слободу от Оренбургской экспедиции прапорщика Гладышева. Из рапорта следует, что продовольственный обоз, состоящий из 1078 подвод, был отправлен из Теченской слободы под военным конвоем драгун 17 июля 1735 г. [8, л. 185—185 об.]. В рапорте не указывается точное число драгун, лишь кратко упоминается, что «...выступили они в марш из Теченской слободы Сибирского полку з драгуны с тремя капральства в комвое...» [8, л. 185]. Но как такового марша в процессе движения обоза не получилось, так как все подводчики были из крестьян и идти в марше не могли. Из-за чего обоз растянулся и шел с большими непредвиденными остановками, теряя, как оказалось позднее, драгоценное время.

Продовольственный обоз, пройдя от Теченской слободы 240 верст, в районе озера Карагайского попал в засаду, устроенную башкирскими военными людьми. В документах Миллера эти события отражены следующим образом: «...до новопостроенной Верхояицкой пристани не дошед верст за 30, напали... воры башкирцы многолюдством и учинили бои и атаковали... со оными ворами башкирцами против их... в комвое драгун недовольно было а подводчики из крестьян не весьма к тому способились, понеже от тогдашнего нападения весьма показались робки, они же и малооружны... и боде башкирцы... нападали... днем и ночью собранием немалым, от чего имели за

малолюдством российских военных людей великое опасение...» [8, л. 185 об.].

Башкиры, имея численное превосходство в военных людях, прочно блокировали продовольственный обоз. В документах Миллера не указывается дата нападения, но дается понять, что в Теченскую слободу от обоза был отправлен гонец, прибывший туда, вероятнее всего, 7 августа 1735 г. В следующем сообщении от 8 августа говорится, что «...по оному известию тогож августа полковник господин Арсеньев выступил с командою к вышеписанному провиантскому обозу на снукурс...» [8, л. 186 об.]. Под командованием полковника Арсеньева находилось, помимо драгун, офицеров Сибирского полка численностью в 330 человек, еще 135 городских казаков из русских и татар. Этот сводный отряд общей численностью 465 человек подошел к блокированному обозу 15 августа 1735 г. В этот же день к обозу вышел и отряд капитана Беланина, состоящий из драгун Вологодского драгунского полка и яицких казаков, общей численностью 700 человек. Этот отряд командировал на выручку продовольствия начальник Оренбургской экспедиции И. Кирилов. При подходе к обозу двух российских отрядов общей численностью более тысячи человек, башкирские военные люди, практически без боя, отошли, как сказано в документе от 7 августа «...в крепкие места». Таким образом, продовольственный обоз был деблокирован.

За время сражения за продовольствие для Оренбурга, со стороны военного конвоя людских потерь не было, но из крестьян-подводчиков было убито два и ранено 14 человек. Основные потери конвоя составили пять драгунских лошадей (одна лошадь вместе с седлом была отбита башкирами, а четыре — ранены). О крестьянских имущественных потерях в военном рапорте сказано, что «...лошадей крестьянских убили и ранили немалое число...». Также башкирские военные люди сумели отбить от обоза 44 телеги казенного продовольствия. Основные потери в живой силе среди российских военных понес гарнизон Верхнеяицкой пристани. По этому поводу в документах Миллера отмечено, что «...до прибытия российских войск Верхнеяицкая пристань была от них башкирцев в атаке и чинили вред близ самой крепости. Побито: капрал — один, солдат — 13 человек, да отогнали 70 лошадей» [8, л. 186].

Таким образом, продовольственный обоз, предназначенный для Оренбургской экспедиции, потеряв 44 телеги с продовольствием, 15 августа 1735 г. дошел до Верхнеяицкой пристани. В документах не поясняется, по каким причинам продовольствие не стали грузить на речные суда, а 17 августа в сопровождении капитана Беланина, переправив на правый берег Яика, отправили сухим путем к Оренбургу. Куда он и прибыл благополучно 28 августа 1735 г. Этот факт находит свое подтверждение в письме Кирилова от 10 сентября 1735 г. [8, л. 186]. В тот же день, когда был отправлен к Оренбургу обоз с продовольствием, отряд полковника Арсеньева в полном составе ушел с Верхнеяицкой пристани в Теченскую слободу.

Из документов Миллера следует, что гарнизон Верхнеяицкой пристани не имел большого коли-

чества солдат. Если же проанализировать утвержденный проект Кирилова, получивший силу указа 1 мая 1734 г., то он и не предполагал использование крупных армейских соединений при строительстве Оренбурга. Основные надежды возлагались на Уфимский и Казанский гарнизонные драгунские полки и нерегулярные соединения казаков и дворян (уфимских, мензелинских). Другими словами, российское правительство, принимая план Кирилова и снаряжая его экспедицию, не предполагало завоевывать Башкирию, наивно полагая, что башкиры, признавшие подданство российского государства, не будут препятствовать строительству Оренбургской крепости. В седьмом пункте резолюции на проект Кирилова однозначно говорится, что «Башкирских тарханов и мещеряков нарядить столько, сколько нужда требовать будет» [7, с. 317].

Попытка со стороны башкирских военных людей захватить продовольственный обоз в августе 1735 г. ничему не научила руководителя Оренбургской экспедиции. Если Кирилов и сделал какие-то выводы, то они оказались, мягко выражаясь, не совсем правильными. В частности, это касается его стремления незамедлительно наказать виновников нападения на продовольственный обоз. Тогда как в действительности, не имея на своей стороне превосходства в живой силе, не владея достоверной информацией о численности и боеспособности Башкирского войска, начальник Оренбургской экспедиции в принципе не должен был начинать никаких карательных операций.

Кирилов, отправляя 7 сентября 1735 г. Тевкелева из новопостроенной Оренбургской крепости в Теченскую слободу, выдал ему инструкцию, смысл которой сводился к тому, чтобы «...Сибирской дороги башкирцам кои на обоз... учинили нападение должное отомщение учинить и тамошних башкирцев успокоить и отправить из сибирских слобод другой провиантский обоз» [9, с. 17]. При этом в распоряжении Тевкелева было всего три роты драгун, несколько сот нерегулярных военных людей и около одной тысячи сибирских мужиков — подводчиков, которых нужно было в целостности и сохранности сопроводить до Теченской слободы. Сам же начальник Оренбургской экспедиции, оставив в зиму значительный гарнизон в новопостроенной Оренбургской крепости (чего не следовало делать категорически) и, двигаясь с основными силами экспедиции по Ногайской дороге в Уфу, приступил к проведению карательных операций. По его приказу совершены показательные казни в Сакмарске. «В Сакмарске (на страх) нарочитых воров по общему приговору штаб и обер-офицеров, — говорится в письме Кирилова от 28 сентября 1735 г. А. И. Румянцеву, — казнили: одного на кол посадили, друга петерили, а пятерых повесили» [6, с. 75]. По его приказу казаками на Ногайской дороге захвачен фураж, взяты в плен женщины, дети, выжжены деревни. Этот факт находит подтверждение в письме И. К. Кирилова тому же генерал-лейтенанту А. И. Румянцеву от 7 октября 1735 г. «...11 деревень разорил и сжег, — говорится в письме, — 9 человек казнил, а еще немало достойных к казне имею» [6, с. 80]. Большая часть башкирских деревень была выжжена в районе Табынска.

Кутлу-Мухаммед мурза Тевкелев, имея на руках противоречивую инструкцию, повел себя в этой ситуации по-иному. Двигаясь от Оренбурга к Теченской слободе в сложных погодных условиях (рано выпал глубокий снег и ударили сильные морозы), не имея должного запаса продовольствия, фуража и зимней одежды, он пытался договориться с башкирами Сибирской дороги. Прибыв 20 сентября 1735 г. в Верхнеяицкую пристань Тевкелев провел интенсивные переговоры с башкирами. Рычков так освещает эти события: «... в бытность Тевкелева на оной пристани (с 20 по 25 сентября 1735 г.) многие из находящихся в замешании Сибирской дороги башкирцев явились с повинною и по приведении их в верность к курану (присяге) отпущены были в юрты со взятьем нескольких штрафных лошадей по необходимости тогдашней нужде...» [9, с. 18—19].

Тевкелев со своим отрядом, пройдя по глубокому снегу сотни верст, потеряв много обозных и драгунских лошадей, но как пишет Рычков «без всякого в людях урону» прибыли в Теченскую слободу 8 октября 1735 г. По прибытии, полковником были выполнены почти все указания Кирилова, кроме одного. Он не стал проводить карательных операций. Вместо этого полковник Тевкелев пытался договориться с башкирами Сибирской дороги о беспрепятственном прохождении к Оренбургу следующего продовольственного обоза. Также, отдав распоряжения об его формировании, Тевкелев вынужден был ехать в Екатеринбург к В. Н. Татищеву и просить денег в счет Оренбургской экспедиции на покупку зимней одежды для драгун и казаков своего отряда. По выражению П. И. Рычкова: «... К чему действительный статский советник великое вспоможение учинил...» [9, с. 19]. После чего, Тевкелев с отрядом ушел в Уфу. «... Отправляясь из Теченской слободы к Уфе 26 числа, следовал с командой своей чрез башкирские жилища, — пишет Рычков, — не только беспрепятственно, но и многих по предписанному к присяге привел и на всю драгунскую команду сена добровольно и с охотою ставили и, ни в чем никакого недостатка не имели и противностей от них не видел до самой Уфы. Куда он в последних числах ноября прибыл» [9, с. 17]. По пути следования полковник Тевкелев продолжал приводить к присяге башкир, надеясь тем самым, что благодаря его личному влиянию башкирские военные люди пропустят обоз к Оренбургу.

По документам Миллера очередной продовольственный обоз был отправлен из Теченской слободы 2 декабря 1735 г. На этот раз обоз состоял из 600 подвод. В его конвое было две роты солдат Сибирского гарнизонного полка, рота пеших драгун Сибирского драгунского полка, а также «мещеряков и татар, ясачных 50, да из крестьян казаков теченских и чумляцких — 50». Этот отряд с тремя пушками, общей численностью 390 человек возглавил майор Шкадер. 22 декабря 1735 г. этот продовольственный обоз, был блокирован башкирами практически в том же самом месте, что и предыдущий. Как сказано в одном из документов Миллера: «не допустив за 30 верст до новопостроенной Верхояицкой пристани...» [8, л. 187].

В этот раз башкирские военные люди имели более значительное численное превосходство. В момент нападения их было более одной тысячи и с каждым днем осады обоза число нападавших увеличивалось. Обоз простоял без движения с 22 декабря 1735 г. по 23 января 1736 г. За это время погибло три солдата, 12 человек из солдат и крестьян получили ранения. Пострадали и обозные лошади (убито — 29, ранено — 52). Но наибольшие трудности испытал гарнизон Верхнеяицкой пристани. «За неимением хлеба претерпевали голод, уже и питались по необходимости падалищем, — говорится в документах Миллера, — да и того уже находить не могли и от того... солдаты... пришли в великую болезнь и многие из постели не встают и от голоду помирают» [8, л. 187].

Для спасения продовольственного обоза 4 января 1736 г. были отправлены из Теченской слободы последние резервы Сибирского драгунского полка под командованием полковника Арсеньева в количестве 707 человек. Также, к ним были прикомандированы 98 крестьян Окуневского дистрикта. На такой рискованный шаг полковник Арсеньев пошел с ведома В. Н. Татищева¹ и согласно присланным из Сибирской губернской канцелярии указам. Но и это не помогло, 12 января Сибирский драгунский полк, не дойдя до блокированного обоза более 10 верст, был окружен со всех сторон превосходящими силами противника. Против драгунского полка Арсеньева выступило более пяти тысяч башкирских воинов, собранных с Сибирской и Ногайской дорог. Завязавший бой длился весь день 12 января, всю ночь с 12 на 13 января и с утра до самого вечера 13. В этом бою погибло много башкирских воинских людей. Понес потери и Сибирский драгунский полк. Из драгун погибло 6 человек, а из крестьян — один. Ранения среди драгун и крестьян получили 40 человек. Также в бою было убито 25 драгунских лошадей, ранено 31, крестьянских убито 10, ранено 22 [8, л. 187 об. — 188]. «И на том бою выпалено по ворама башкирцам, — говорится в одном из полковых рапортов, — патронов с пули фюзейных — 4079, картечи — 1057, пистолетных (пуль) — 1198, из пушек — 115 зарядов с ядрами и картечами..., но... было идти вперед... невозможно. Пришли великие каменные горы и самые тесные места и в одни сани с трудностью протить. А снега были глубокие, а казенных лошадей корм весь придержался... И от бескормицы лошади в атаке помирали» [8, л. 188].

На состоявшихся вечером 13 января 1736 г. переговорах главный командир над башкирскими военными людьми Сибирской дороги Юсуп багыр заявил, что «... полковника с людьми до атакованного провианта не пропустят, а буде вперед пойдет, то будут дратца и до... последнего человека все тут на своей земле помрут, а провиант, не токмо до Оренбурга, но и до Верхояицкой пристани не допустят» [8, л. 188 об.].

Полковник Арсеньев принял решение — отступить. Сибирский драгунский полк 14 января вышел

¹ В. Н. Татищев и майора Шкадера ранее принудил выступить с обозом 2 декабря 1735 г., пригрозив ему судом, если тот будет медлить с отправкой обоза на Верхнеяицкую пристань [6, с. 95].

из боя и ушел в Теченскую слободу. О причинах отступления в документах Миллера сказано, что «...января 14 дня из вышеписанного маршу, из атаки за малолюдством и за сильным воровским нападением, и за немалою... (не читается) людям и за неимением провианта и фуража, оной полковник Арсеньев возвратился к Теченской слободе. И о том в Сибирскую губернскую канцелярию и к действительному статскому советнику господину Татисчеву представлено доношениями и требовано от губернии для... атакованного провианта и для искоренения воров башкирцев знатную персону и с ним регулярного войска пяти полков... понеже одним Сибирским драгунским полком за многия из оногo раскомондированием наличными малыми людьми и за великою обширностью пограничных мест охранить никак не можно» [8, л. 188 об, 206 об.].

Через некоторое время, вслед за полковником Арсеньевым вернулся в Теченскую слободу с продовольственным обозом и майор Шкадер. «За долговременным ево от воров в атаке сидением, — говорится в рапорте последнего, — лошадей подводных многое число от бескормицы в команде ево повалилось и не малое число побито и ранено, а паче за сильным на них от воров нападением и за не пропуском вперед, до Верхояицкой дойти он не мог» [8, л. 188 об.]. На обратном пути ни тому, ни другому башкирские военные люди не чинили препятствий.

Таким образом, гарнизон Верхнеяицкой пристани был обречен. В документах Миллера об этом говорится кратко: «...получено известие, что бывшие на Верхояицкой пристани сказанного гарнизона офицеры и солдаты... ворами башкирцами из крепости выведены обманом под тем видом надежда их, чтоб их вывести в город Уфу и побиты все» [3, л. 189]. О солдатских фузях и артиллерии в документах Миллера не сказано ни слова. Но из других письменных источников известно, что оружие и артиллерия оказались в руках башкирских воинов Сибирской дороги [9, с. 28]. Крепость же — «...разорена от воров башкирцев» [8, л. 221 об.].

Начальник гарнизона Оренбургской крепости полковник Чемодуров имел предписание Кирилова: «...Если провиантский обоз не придет, чтоб из гарнизона, сколько возможно людей убавить». Согласно именно этому приказу Кирилова полковник Чемодуров вынужден был и отправил 24 ноября 1735 г. 800 человек в Верхнеяицкую пристань.¹ Но те вернулись в Оренбургскую крепость через три дня, поморозив 150 человек, так как не имели зимней одежды. Тогда, переменяв ознобленных людей, Чемодуров отправил 27 ноября из Оренбурга 773 человека в Сакмарский казачий городок. Люди, без зимней одежды и должного количества продовольствия, также были обречены. Из 773 до Сакмарска дошли только 223 человека. 550 человек замерзли в степи между Яиком и Сакмарой [9, с. 23].

Трагическую новость о гибели солдат и офицеров гарнизона Верхнеяицкой пристани полков-

ник Тевкелев узнал, по сведениям П. И. Рычкова, 19 января 1736 г., находясь в деревне Сеянтус Балачинской волости Сибирской дороги. Это был период зимнего похода, когда его двухтысячный отряд шел по Сибирской дороге из пригорода Бирска на реку Ай. Полковник Тевкелев, имея распоряжение начальника Оренбургской экспедиции Кирилова покарать бунтовщиков, причем, распоряжение, которое он постоянно откладывал, 24 января 1736 г. отдал приказ уничтожить башкирскую деревню Сеянтус, вместе с ее жителями. «...Близ тысячи человек с женами и с детьми их во оной деревне перестреляно, и от драгун штыками, а от верных башкирцев и мешеряков копьями поколото, — говорится в «Истории Оренбургской, — Сверх того 105 человек забраны были в один амбар и тут огнем сожжены...» [9, с. 21].

Активный период подавления башкирского восстания в Южном Зауралье начался только после вышеуказанных событий. В середине марта 1736 г. против башкир Сибирской дороги в степь было выдвинуто почти 7-тысячное войско. Причем, подавляющая его часть состояла из сибирских крестьян, на скорую руку поверстанных в казаки, а так же городских служилых русских и татар. Драгун же и солдат в этом войске насчитывалось 1544 человека. Тогда как общая численность башкирских воинов Сибирской, Ногайской и Осинской дорог — 21 тысяча [8, л. 211 об.].

Это мартовское наступление российского войска с Сибирской стороны Урала вглубь Башкирии в документах Миллера называется *Зимним походом*, в ходе которого и была построена первая деревянная Чебаркульская крепость. В период же аналогичного, но уже *Летнего похода 1736 г.* были построены земляная Миасская, вторая Чебаркульская (земляная) и Челябинская крепости.

Литература и источники

1. Акманов, И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII — I половине XVIII вв. / И. Г. Акманов. — Свердловск, 1991.
2. Витевский, В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе / В. Н. Витевский. — Казань, 1889.
3. Добросмыслов, А. И. Башкирский бунт в 1735 г., 1736 и 1737 гг. / А. И. Добросмыслов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. — Вып. VIII. — Оренбург, 1900.
4. Игнатъев, Р. Г. И. К. Кирилов основатель Оренбургского края / Р. Г. Игнатъев // Уфимские ведомости. — Уфа, 1880. — № 14—34.
5. Козлов, Ю. Я. В верховьях Урала 1743—1917 / Ю. Я. Козлов. — Челябинск, 2008. — 238 с.
6. Материалы по истории Башкортостана. — Т. VI. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. — Уфа, 2002. — 766 с.
7. ПСЗ. — СПб., 1830. — Т. IX.
8. РГАДА. Ф. 199. Д. 481.
9. Рычков, П. И. История Оренбургская / П. И. Рычков. — СПб., 1896. — 100 с.
10. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. — Кн. X. — Т. XX. — М., 1963. — С. 586—607.
11. Тинеев, Ш. Очерки по истории Башкирии / Ш. Тинеев. — Уфа, 1930. — 222 с.

¹ Рычков П. И. в своей «Истории Оренбургской» утверждает, что на Верхояицкой пристани провиант имелся. Поэтому, Чемодуров и отправил туда 800 человек [4, с. 22].

12. Устюгов, Н. В. *Башкирское восстание 1737—1739 гг.* / Н. В. Устюгов. — М. ; Л., 1950. — 154 с.

13. Фирсов, Н. А. *Историческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель* / Н. А. Фирсов. — Казань, 1869.

14. Чулошников А. *Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв.* / А. Чулошников // *Материалы по истории Башкирской АССР.* — Ч. I. — М. ; Л., 1936. — С. 3—64.

СВИСТУНОВ Вячеслав Михайлович, канд. ист. наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).
E-mail: wms_castl@mail.ru

Поступила в редакцию 5 июня 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh180309

THE DESTINY OF THE FIRST GARRISON IN VERKHNEJAITSK LANDING STAGE (ACCORDING TO G. F. MILLER DOCUMENTS)

V. M. Svistunov, wms_castl@mail.ru
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

A documentary description of the Bashkir rebellion from 1735 to 1740 in the Southern Trans-Urals is stored in *Russian State Archive of Ancient Acts* (RGADA) and begins with a history of the wagon of food which was sent from the Techa settlement toward Verkhnejaitsk landing stage in July 1735. A brief history of this description is as follows. At the request of the Russian Academy of Sciences, made in the 40s of the 18th century, a chronological description of the events from 1735 to 1741 was composed on the basis of reports and promemory in the Siberian garrison Dragoons regimental office. In this case it will be called Miller documents as the requester was Professor Miller. The description of military events taking place in the Southern Trans-Urals is valuable because it has a chronology by years as well as by dates. Special attention should be given to these historical calendar dates. A verified chronology of events is very important for understanding the actions committed not only by the head of the Orenburg expedition Ivan Kirilov but also by his assistant Colonel Tevkelev. According to these dates the period of purely defensive operations of Siberian dragoons regiment against the Bashkir troops is determined from May 1735 to March 1736.

Keywords: Verkhnejaitsk landing stage, two companies of Ufa Regiment, Bashkir Army, Siberian dragoon regiment, Cossacks from among peasants.

References

1. Akhmanov, I. G. *Bashkiriya v sostave Rossiyskogo gosudarstva v 17 — 1-oy polovine 18 vv.* [Bashkortostan as a part of the Russian state in the 17th — the first part of the 18th centuries] / I. G. Akhmanov. Sverdlovsk, 1991.
2. Vitevskiy, V. N. I. I. Nelyuev I Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave. [I. I. Nelyuev and the Orenburg region in its former composition] / V. N. Vitevskiy. Kazan, 1889.
3. Dobromyslov, A. I. *Bashkirskiy bunt v 1735, 1736 i 1737gg.* [Bashkir revolt in 1735, 1736 and 1737 years] / A. I. Dobromyslov // *Trudy Orenburgskoy uchyonoy arhivnoy komissii* [Proceedings of the Orenburg scientific archival commission]. Orenburg, 1900. 8th edition.
4. Ignatiev, R. G. I. K. Kirilov osnovatel Orenburgskogo kraya [I. K. Kirilov is the founder of the Orenburg region] / R. G. Ignatiev // *Ufimskie vedomosti* [Ufa bulletins]. Ufa, 1880. No 14—34.
5. Kozlov, Iu. Ya. *V verhovyah Urala 1743—1917* [In the Ural headwaters from 1743 to 1917] / Iu. Ia. Kozlov. Chelyabinsk, 2008, 238 p.
6. *Materialy po istorii Bashkortostana* [Materials on the history of Bashkortostan]. T. VI. Orenburgskaya ekspeditsiya I bashkirskie vosstaniya 30-h godov 18 veka [Orenburg expedition and the Bashkir uprisings of the 1730s]. Ufa, 2002. 766 p.
7. PSZ. St. Petersburg, 1830. T. IX.
8. Rossiyskiy gosudarstvennyi arhiv drevnih aktov (RGADA) [*Russian State Archive of Ancient Acts*]. F. 199, d. 481.
9. Rychkov, P. I. *Istoriya Orenburgskaya* [The history of Orenburg] / P. I. Rychkov. St. Petersburg, 1896, 100 p.
10. Soloviyov, S. M. *Istoriya Rossii s drevneishih vremyon* [History of Russia since ancient times] / S. M. Soloviyov. M., 1963. Book. X. T. XX. Pp. 586—607.
11. Tineev, Sh. *Ocherki po istorii Bashkirii* [Essays on the history of Bashkortostan] / Sh. Tineev. Ufa, 1930. 222 p.
12. Ustyugov, N. V. *Bashkirskoe vosstanie 1737—1739 gg.* [The Bashkir uprising of 1737—1739] / N. V. Ustyugov. M., L., 1950. 154p.

13. Firsov, N. A. Inorodcheskoe naselenie prezhnego Kazanskogo zarstva v Novoy Rossii do 1762 g. i kolonizaciya kazanskih zemel [The alien population of the former Kazan kingdom in New Russia until 1762 and the colonization of the Zakan lands] / N. A. Firsov. Kazan, 1869.

14. Chuloshnikov, A. Feodalnye otnosheniya v Bashkirii i bashkirskie vosstaniya 17 i pervoy poloviny 18 veka [Feudal relations in Bashkiria and the Bashkir uprisings of the 17th and the first half of the 18th centuries] / A. Chuloshnikov // Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR [Materials on the history of the Bashkir ASSR]. M., L., 1936. Part 1. P. 3—64.

Received June 05, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Свистунов, В. М. Судьба первого гарнизона Верхнеяицкой пристани (по документам Г. Ф. Миллера, РГАДА, ф. 199. Д. 481) / В. М. Свистунов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 3. — С. 58—63. DOI: 10.14529/ssh180309

FOR CITATION

Svistunov V. M. The destiny of the first garrison in Verkhnejaitsk landing stage (according to G. F. Miller documents). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 3, pp. 58—63. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180309